

3-12
11-3
П. С. Парфенов (Петр Алтайский).

УРОКИ ПРОШЛОГО

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В СИБИРИ

1918, 1919, 1920 гг.

Издательство
„ПРАВДА“

ХАРБИН
1921

Б 52690

Жн. 231 (20102)

Харам

2017

898

At. 2453

50

181

1804

RECEIVED

of the

of the

1814

9(С)2
П-18
2/54
П 18

Л. С. Парфенов (Петр Алтайский).

инв
н 3014

Уроки прошлого

Гражданская война в Сибири

1918, 1919, 1920 гг.

Фонд редких
книг

Читинская обл. Центр. Библиотечная
Отд. _____
Инвентарь № _____

Рабоче - крестьянская власть,
впервые реально и дерзко кон-
курирующая с капиталистическим
строем, может делать ошибки,
но она никогда не должна за-
бывать их...

2012
3486

84
1981
1962

ХАРБИН
1921.

K 922 + 9(c)22

П 18

8. 552.690

Читинская областная
БИБЛИОТЕКА
им. А. С. Пушкина

552

Всем тем, кого капиталистические правительства вновь призывают и нанимают, во имя все тех же старых и истасканных лозунгов народо-правства, повторить пройденный в Сибири кровавый путь, с глубокой скорбью и сожалением к ним, настоящую книгу я посвящаю.

Автор.

1860

Faint, illegible text, possibly bleed-through from the reverse side of the page.

Вместо предисловия.

Октябрьская революция, как следствие февральской, слишком памятна еще, она еще живет, даже еще не оформилась окончательно в своих порывах, поэтому рано и немислимо писать ее историю, рано подводить ее итоги...

Каждый штрих, каждый отдельный момент, каждый этап революции в будущем—большая книга, а в настоящем—начало нового, дерзкого, революционного творчества, отрицающего старый и создающего новый политический и экономический порядок, уклад и быт.

Пусть агенты старого, отживающего мира, истерически кричат о бессмысленных дерзаниях Российской Революции, оттеняя ее утопическую бессодержательность. Даже им не вычеркнуть из истории тех оздоравливающих источников творческой влаги, которые выбрасывает из своих неисчерпаемых недр Рабоче-Крестьянская Россия, дерзнувшая впервые, с уверенностью в победе, бросить решительный вызов капиталистическому строю.

Пусть капиталистический интернационал шумно вопит о своих былых заслугах перед человечеством и призывает его вновь на борьбу с революционным прогрессом в России, взывая о помощи и к чорту, и к Богу,—конкретная, реальная жизнь с каждым днем все больше и больше доказывает, что здоровое мыслящее человечество не на его стороне...

И целью настоящей книги является не защита или отрицание прав на дальнейшее существование старого мира, а только показать, проиллюстрировать, отдельные моменты борьбы капиталистических правительств с Революционной Россией и этим помочь тому естественному процессу разрушения капиталистических порядков, который наступает, должен наступить...

Российская Революция, в своем октябрьском проявлении, положила конкретное, очерченное начало тому, что можно определить: или, или...

Или капиталистический строй, или социальная революция...

Срединная компромиссная форма завершения революции—народоправство отрицалось, ему больше не отводилось места, так как после до-октябрьских опытов не было совершенно никаких данных для его устойчивого и творческого бытия...

Поэтому, естественно, что борьба с русской революцией началась не во имя чистых капиталистических принципов, а под лозунгом народоправства, всеобщего избирательного права и т. д., так как эта форма власти, несмотря на всю безнадежность ее осуществления, импонировала мировоззрению мелкой буржуазии, большинства интеллигенции и даже имела сторонников среди рабочих и крестьян..

В Сибири это вскоре же определило соотношение сил революции с контр-революцией в пользу последней, и Советская власть была низвергнута...

Но, конечно, не народоправство заняло место рабоче-крестьянских Советов, а тот строй, который отрицал революцию в целом. И вместе с коммунистами-большевиками были повешены и замучены в тюрьмах и все те, кто активно свергал Советы во имя идей народоправства...

Казалось, что новым конкретным и кровавым примером было доказано, что середины нет, что, пока не во всех государствах низвернут капиталистический строй, никакого народоправства быть не может. Но и после этих народоправческих этапов в Сибири, повторенных на юге России и в других местах, лозунгом контр-революции выставляется „борьба за народоправство“, в надежде, что и на этот раз кого-то можно обмануть, кого-то можно еще раз контрабандным путем заставить защищать капиталистические порядки.

Несомненно, Рабоче-Крестьянская Россия еще весьма чувствительно помнит *практические* проявления народоправства, но эти новые попытки мировой буржуазии раздавить Советы под видом борьбы за всеобщее право, учредительное собрание и т. д.—заставляют меня в особенности подчеркнуть, к чему привела крикливо-разбрасываемая „забота о народе“, когда эта работа получила свое осуществление на территории раздавленной Советской Сибири.

И для тех, кто честно и искренно все еще не приемлет советовластия,—я оттеняю, что капиталистический класс, умертвивший, во имя своих торгашеских интересов, миллионы человеческих жизней, уже не способен даже по своей развращенной вырождающейся природе удовлетворить запросы мыслящего человечества; а тем, кого капиталистический интернационал вновь *нанимает* для борьбы с красной Россией, во имя старых лозунгов народоправства,—я посвящаю факты настоящей книги...

Может быть, мне не удалось достаточно картинно и наглядно воспроизвести *все* события, охватываемые книгой; сознаюсь, что в отношении начала гражданской войны в дальневосточных областях, в книге моей имеются определенные пробелы, но все же хочется думать, что основная мысль книги будет понята даже читателями с притупленной чуткостью.

Часть I.

Хроника революции от февраля до октября 1917 года. Возникновение советской власти в Сибири и отношение к ней политических партий и населения. Ошибки и безвластие советской власти в Сибири.

I.

Февральская революция произошла при исключительном сочувствии к ней подавляющего большинства русского народа.

Но, если русский народ единодушно был заинтересован в низвержении царского правительства, то далеко не одинаково он понимал глубину революции и совершенно разрозненно оценивал самое действие февральских революционных событий.

Не одинаково вкладываемое содержание в февральские дни сразу же обнаружилось, и на первых же порах искусственный состав общности и единения был разброжен на разнообразные социальные элементы.

Кадеты и октябристы считали, что произошел дворцовый переворот, и устами своих лидеров, Милюкова и Гучкова, на собрании граждан и гарнизона Петрограда 2-го марта в Таврическом дворце заявляли об этом более, чем определенно. Они понимали революцию по своему: замена царя Николая его братом Михаилом, а штюрмеро-протопоповского правительства — правительством государственной думы, ответственным перед последней. Вот внешняя форма октябристско-кадетской революции.

Война до победного конца! Все для войны! Реформы — после войны!

Вот содержание революции, вкладываемое ими. Вот программа нового революционного правительства.

На крики „долой царя“ профессор Милюков в весьма пространной речи 3-го марта в Екатерининском зале Таврического дворца старался доказать, что „династия не сменяема“, и что „программа и состав нового правительства всецело одобряются нашими союзниками“, а, в особенности, английским посланником в Петрограде, сером Бьюкененом.

Меньшевики и социалисты-революционеры считали, что произошла настоящая революция, сметающая старые формы и дающая политическому и экономическому строительству новые

революционно-демократические начала. Поэтому они настояли, чтобы образовавшееся правительство было суверенным и неподчиненным цензовой государственной думе и называлось временным, впредь до созыва им учредительного собрания на основе всеобщего избирательного права, которое и должно было решить окончательно вопрос о форме государственного строя. В виду чего, в программу были включены три весьма существенных пункта: созыв учредительного собрания, амнистия политических заключенных и пере выборы земств и городских дум по новому закону.

Эти меньшевистско-эсеровские пункты сразу же охладили революционный пыл кадето-октябристских руководящих кругов, но, после долгих упорств, они на них согласились, т. к. увидели, что фактически власть уже выскользнула из их рук, и во многих случаях принадлежит революционным организациям — советам рабочих депутатов, и, имея в виду, что в процессе практической работы они сумеют по своему комментировать эти пункты.

Весьма незначительная группа большевиков поддерживала меньшевистско-эсеровские пункты, но добавляла их своими: немедленный мир, восьмичасовой рабочий день и передача земли крестьянам. Пункты большевиков, конечно, не могли быть приняты даже социалистическими партиями, не говоря уже о революционном временном правительстве, возглавляемом крупным помещиком, князем Львовым, и фабрикантами: Терещенко, Коноваловым, Гучковым и др. и имевшем в своем составе только одного социалиста — А. Керенского.

Деревенская, крестьянская Россия, в своем подавляющем большинстве, в низвержении царя в Петрограде, а урядников на местах, желала и хотела видеть конец войне, отнявшей у нее всех мужчин до 43-х летнего возраста, и прирезку земли, хотя бы даже за плату — в рассрочку, и соглашалась с „незаконностью и невозможностью“ выполнения ее желаний только до тех пор, пока ей не стали разяснять, что она может и должна требовать мира и земли, не ожидая созыва учредительного собрания.

Армия, почти повсеместно принимавшая самое активное участие в свержении царского государственного строя, в своей солдатской массе видела в революции приближение момента к возвращению домой, а в офицерской — право получить лишний чин и широкую возможность выдвинуться по службе, что раньше было монопольным правом только штабного гвардейского офицерства.

Отсюда началось разное отношение к дальнейшему течению революции и разнообразие путей, по которым старались направить это течение все политические партии и группы, в зависимости от своих субъективных желаний и настроений.

Когда, вслед за признанием союзными правительствами временного правительства, министр иностранных дел Милюков декларировал, что все договоры и соглашения с царским правительством остаются в силе, когда военный и морской министр Гучков, лишивший незадолго перед тем армию дисциплины и военно-начальников власти, об'явил новую мобилизацию; когда министр земледелия Шингарев приказал предавать суду всех захватчиков помещичьих земель, как государственных преступников,—даже до этого всецело поддерживающие это правительство меньшевики и эсеры перешли на „постольку-поскольку“.

А когда знаменитое обращение меньшевистско-эсеровского центрального комитета советов о „мире без аннексий и контрибуций“ было комментировано Милюковым перед союзными правительствами, как „мнение частной безответственной организации“,—кризис правительства стал очевидным, так как это вызвало со стороны образовавшихся на местах советов военных и рабочих депутатов бурю протестов и требований: „Долой министров-капиталистов!“.

Кроме этого, и самое правительство было разочаровано еще и тем обстоятельством, что из доклада возвратившегося с фронта министра Гучкова было очевидно, что армия не на стороне „войны до победы“, и во всей армии „нет ни одной надежной части“, которую можно было бы использовать в „государственных целях“...

И князь Львов предложил меньшевикам и эсерам еще несколько портфелей в правительстве (при чем Гучков был заменен Керенским) в надежде, что социалисты своим авторитетом в массах облегчат кадето-октябристскому большинству выполнить вышеуказанную программу. Особенно большие надежды возлагались на Керенского, который в новой роли должен был, в развитие общесоюзического плана, убедить и заставить разлагающуюся армию пойти в наступление.

Но получилось как раз наоборот. Наличие социалистов в составе правительства со старой программой (исключая законопроект о 8-ми часовом рабочем дне в невоенных заводах, когда почти вся промышленность была милитаризована) только способствовало дальнейшему разложению армии, захвату земли крестьянами и компрометировало правительственные социалистические партии, увеличивая авторитет большевиков и интернационалистов. Еще менее это правительство могло удовлетворить своей практической работой официально господствующую кадетскую партию и стоящих за ее спиной союзных правительств.

И в тот самый момент, когда Керенский ездил по всем фронтам и, под диктовку англо-французского генерального штаба, уговаривал армейские и корпусные комитеты в необходимости немедленно перейти в наступление, дипломатически дока-

зывая, что и оборона революции требует наступления вперед,— фактический, настоящий, солдатский фронт редел, уезжая в деревни, а из запасных полков солдаты распускались на полевые работы постановлениями местных советов, так как не в интересах революции было держать без пользы и работы миллионы здоровых людей, что косвенно санкционировалось товарищем Керенского по правительству и партии, министром земледелия, Черновым, и вносило разногласия в состав даже социалистической части правительства.

Но „главноуговаривание“ Керенского наступать имело и еще одно весьма важное последствие.

Если союзные правительства приветствовали вхождение социалистов в состав русского правительства и видели в этом начало боевых действиям на фронте, то в германской, а в особенности, в австро-венгерской армии наоборот,—это охладило наступательный порыв, и солдатские массы этих армий ожидали, что русские социалисты, перед этим издавшие манифест о мире, не преминут прибегнуть к нему, как к официальному правительственному акту. В них начались беспорядки и отказ идти против уже не царской, а революционной русской армии.

Каково же было их разочарование, когда подписавшие обращение о мире социалисты, став министрами, начали призывать к наступлению по всему фронту! Это было весьма на руку австро-германскому империализму, ибо неповинующимся частям наглядно можно было доказать, что февральская революция в России поставила у власти не представителей народа, стремящихся к прекращению войны, а агентов англо-французского генерального штаба.

И когда 18-го июня, по приказу Керенского, русская армия перешла в наступление, последнее вызвало немедленно контр-наступление до того разлагавшихся австро-германских армий и было только красивым жестом в пользу союзников и предательским, весьма дорого стоящим действием по отношению к русской революции и народу.

Результаты этого наступления скоро же сказались: Австро-Германия заняла несколько новых российских областей, а солдаты и рабочие Петрограда, Одессы и др. городов выступили против правительства с требованием роспуска коалиции и немедленного начала переговоров о заключении мира.

И кадет князь Львов уступил свое место эсеру Керенскому.

Но составившееся, в результате неудачного наступления и широкого недовольства рабочих и крестьян, новое временное правительство во главе с меньшевистско-эсеровским большинством, изменило программу свою только на словах, фактически же министр иностранных дел Терещенко в своем обращении к союзным правительствам подтвердил неизменяемость внешней политики правительства, а социалисты-министры подчинились

директивам англо-французских послов в Петрограде не в меньшей степени, чем их кадетские предшественники.

Но так как на местах творилась своя политика и жизнь, совершенно отличная от деятельности временного правительства, то социалистическая вывеска большинства всероссийского совета министров фактически еще меньше могла удовлетворить как союзных послов и кадето-октябристов, так и рабочих, армию и крестьян.

И до этого популярный лозунг подконтрольности временного правительства центральному исполнительному комитету советов все больше и больше терял свою обаятельность, так как сам центральный исполнительный комитет, со своим меньшевистско-эсеровским большинством, плелся в хвосте за бездейственным временным правительством и уже далеко не выражал конкретных настроений трудящегося класса.

Тогда по совету английского посла Бьюкенена и кадетских групп, председатель всероссийского правительства, А. Ф. Керенский, в августъ созывает всероссийское государственное совещание, которое должно было выявить мнение русского народа по вопросу о внешней и внутренней политике.

Но не так понимали задачи этого совещания его действительные инициаторы. Для них предстоящий состав совещания, в процессе своих работ, должен был выкроить остов той государственно-национальной группы, на которую они бы могли рассчитывать при свержении временного правительства, в боеспособность которого они перестали верить.

И в первый же день, в процессе декларативных заявлений, нужная кадето-английским кругам государственно-национальная русская группа нашлась. Правда, она, в лице верховного главнокомандующего генерала Корнилова, генерала Алексеева, генерала Каледина, подесаула Семенова, генерала Дутова, штабс-капитана Каппеля и других, выступала от имени новой демократической русской армии; но при ближайшем знакомстве с ней, под „новой демократичностью“ можно было ясно рассмотреть старый кнут и старую выправку.

Поэтому, хотя это совещание своим правым большинством выразило полное доверие правительству Керенского, и, в знак единения буржуазии с социалистами, фабрикант Бубликов демонстративно пожал руку меньшевику Церетелли, — это было Иудино пожатие и нужный для кадето-военных кругов дипломатический маневр.

Совещание послужило началом практического осуществления контр-революционного заговора.

На местах результаты этого совещания послужили только причиной еще большего разочарования в способностях официально господствующих социалистических партий вывести страну из разлагающего ее застоя и бездеятельности и еще

большого полевения. Выдвинутый лозунг большевиков, как вывод из практической работы Керенского, — „Власть — переизбранным советам“, — стал находить себе с каждым днем все больше и больше сторонников. Для сталкивающихся с практической обстановкой на местах революционных деятелей становилось все более очевидным, что только решительная, прямая и независимая власть трудящихся, без соглашательства и коалиции с капиталистами, может дать стране необходимый ей мир, политический строй и порядок.

И в тот момент, когда ободренный совещанием Керенский возвратился в Петроград и начал творить свою прежнюю половинчатую и никого неудовлетворяющую политику словесного строительства и ненужных разговоров, — в могилевской квартире генерала Корнилова, при участии представителей союзных штабов, торгово-промышленников, ка-де и даже товарища Керенского по партии и правительству, управляющего военным министерством Савинкова, решался практически вопрос, как избавиться от этой многословной политики Керенского, а вместе с ней и от революции; а на местах — солдаты и крестьяне тоже делали свою непосредственную политику: первые раз'езжались по деревням, а вторые делили помещичью землю, не доверяя, что учредительное собрание отдаст им ее.

28-го августа результаты московского и, как следствие его, могилевского, совещаний выявились наружу. По приказу генерала Корнилова две дивизии туземных войск северного фронта, под командованием генерала Краснова, выступили против временного правительства и заняли предместья Петрограда, а члены правительства — кадеты, поддерживаемые Савинковым, внесли предложение, чтобы Керенский уступил свое место „более решительному и твердому демократу“ — генералу Корнилову.

И только наличие в Петрограде нескольких революционных войсковых частей, отказавшихся перед этим по приказу Савинкова выступить на фронт, помогло центральному исполнительному комитету и Керенскому ликвидировать это контр-революционное выступление.

Этот заговор, имевший сторонников в самом правительстве, еще более усилил тревогу за судьбу революции в среде левой оппозиции, которая лишней раз на практических примерах убеждалась, что интересы капитала и труда никогда не могут быть одинаковыми, что и в дальнейшем правительство с таким неопределенным, мелко-буржуазным и приспособляющимся содержанием будет служить только ширмой для новых контр-революционных экспериментов.

Поэтому, партия большевиков предложила центральному исполнительному комитету советов созвать всероссийский съезд советов и об'явить его государственной властью России. Но несмотря на аналогичные настояния многих местных советов,

меньшевистско-эсеровское большинство центрального комитета отвергло предложение большевиков, мотивируя его своими старыми предпосылками, что трудящиеся не могут самостоятельно наладить экономическую и политическую жизнь страны, и что правительство без буржуазии не будет поддержано союзниками, без которых меньшевики и эсеры даже и не мыслили свое правительственное бытие.

В виду чего, хотя первого сентября правительство было преобразовано в директорию, во главе с Керенским и в составе: Терещенко, ген. Верховского, ген. Вердеревского и Никитина, и в тот же день оно декларировало республиканский строй в России, отсрочив созыв учредительного собрания до 12 ноября и обещая удовлетворить пожелания и настояния как трудящихся, так и капиталистов,—этому правительству уже больше никто не верил.

И контр-революционные группы, оправившиеся после подавления корниловского восстания, начали стекаться в районы оренбургского и донского казачьих войск, под предлогом формирования, с санкции правительства, добровольческих частей для борьбы с немцами, а рабоче-солдатские массы, уже руководимые большевиками, начали укреплять и создавать свои организации—советы депутатов, имея в виду на предстоящем съезде советов провозгласить диктатуру трудящихся.

Обладающему полнотой всей государственной власти правительству—директории ничего больше не оставалось, как разъезжать и убеждать в необходимости объединения всех живых сил страны. Практически оно решительно не могло ничего сделать и никому угодить. И только многочисленными декларациями, заявлениями, приказами и т. п. демонстрировало свое полное бессилие и еще более усиливало антагонизм между собою, трудящимися и капиталистами.

И всемогущая всероссийская директория взывала о помощи к своему собрату, центральному исполнительному комитету советов, который перед этим только предоставил ей всю полноту государственной власти...

В виду чего меньшевики и эсеры поспешили на помощь своему правительству. На 14 сентября в Петрограде было назначено новое государственное совещание, названное демократическим, так как оно не предусматривало представительства от политических партий и объединенных капиталистов.

Это совещание должно было разрешить вопрос о реорганизации всероссийской власти на новых началах, в связи с развалом фронта, анархией, бездеятельностью и начавшейся безработицей.

Но после долгих споров и не менее долгих докладов и речей, результаты и этого совещания не сдвинули с места практическую работу правительства. Конкретным выводом этого совещания было только создание нового говорильного аппарата—

Это была демоверсия книги - Парфенов П.С. Уроки прошлого. Гражданская война в Сибири

С полной версией книги, Вы можете ознакомиться в нашей библиотеке по адресу: Забайкальский край, г. Чита, ул. Ангарская, д. 34